

Чжоу Мань уже достиг пика начальной стадии Очищения Ци и почти перешёл на среднюю. Под руководством Ин Фэйчи он усердно тренировался каждое утро и вечер, так что в его теле накопилось немало духовной энергии. Именно поэтому Ин Фэйчи не бросился его спасать в ту же секунду, как Чжоу Маня схватили. Обычные смертные были ему не ровень: если бы Чжоу Мань захотел уйти, его бы никто не удержал.

В этом и заключалось одно из главных преимуществ культивации. Сидя в той душной темной камерке, Чжоу Мань вспомнил времена, когда он был беспомощен и скован страхом, и сердце его наполнилось благодарностью. Эта уверенность пришла к нему благодаря Ин Фэйчи — появление этого человека изменило всё. Шагая по темной горной тропе, Чжоу Мань невольно улыбался.

Интересно, чем сейчас занят его «маленький зверёк»? Знает ли он, что тот уже в пути? Чувствует ли, как быстро он мчится домой?

— Чжоу... Чжоу Мань? — послышался в тишине леса почти всхлип — тихий, призрачный голос, который легко можно было принять за игру воображения.

Чжоу Мань замер, не смея поверить своим ушам.

— Фэй...

Он не успел договорить «чи», как нечто стремительное врезалось ему в грудь. Это тепло было до боли знакомым, и дыхание — тоже. Мягкий, дрожащий комочек прижался к нему так крепко, словно сердце Чжоу Маня от избытка чувств выпрыгнуло наружу. Он инстинктивно обнял его, пытаясь что-то сказать, но слова застряли в горле.

За две жизни... неужели за всё это время нашелся кто-то, кто так отчаянно ждал его возвращения? Почему сердце бьется так неистово и тепло? Казалось, он сам вот-вот растает.

— Я почувствовал, что талисман шевельнулся, — Ин Фэйчи судорожно обхватил его за талию, уткнувшись лицом в грудь.

Он прижался лицом к плечу Чжоу Маня, и прежде чем он заговорил, слезы уже пропитали тонкую осеннюю одежду.

— Я знал... знал, что это ты... что ты вернулся...

Впервые в жизни он ощутил этот изводящий страх. Когда-то давно, когда Тайцин-цзы отправился на битву с Миром Демонов, Ин Фэйчи был слишком мал. Он и помыслить не мог, что его великий и могучий учитель может не вернуться, не оставив после себя даже тела. То была его первая потеря. Тогда из-за малых лет, из-за внезапности и последовавших за этим мучений он не смог прочувствовать всё до конца. Та боль была резкой, как удар клинка, и

заставила его мгновенно повзреть в своем неведении. Он думал, что за долгие годы пути больше никогда не испытает подобного отчаяния, ведь у него не осталось тех, о ком стоило бы заботиться. Он смирился с тем, что в этом мире ему ничего не принадлежит.

И как раз тогда, когда он почти покорился судьбе, появился Чжоу Мань.

Нельзя было сказать, чем именно он был так хорош. Чжоу Мань просто уважал его, верил ему, защищал и в то же время не стыдился просить совета. Он — вольно или невольно — потакал его характеру, позволяя Ин Фэйчи почувствовать, что ему всё сойдет с рук. Даже если бы он запутался в своих техниках и потерял духовный корень, навсегда лишившись шанса стать небожителем, — пока он остается собой, тот его не бросит. Сам того не замечая, Ин Фэйчи превратился из скрытного и колючего подростка в дерзкого мальчишку, который не знает преград. Всё лучшее, всё чистое и искреннее, что было в его натуре, Чжоу Мань выпестовал своей заботой.

Для него Чжоу Мань стал незыблемой, вечной горой. Ин Фэйчи верил, что тот будет стоять вечно, давая приют, позволяя беззаботно валяться в траве под сенью деревьев.

Он забыл, что в этом мире нет ничего вечного. Лишь потеря неизменна. Даже Повелитель Ушань, который, по легендам, прошел путь от немощного смертного до бога, когда-то потерял всё, едва не лишившись души, и вернулся, не имея и капли прежней силы. Чжоу Мань — всего лишь человек, всего лишь мечник на начальной стадии Очищения Ци. Как он может быть незыблемым, словно гора?

Да и горы со временем обращаются в прах.

Но что теперь делать? Он уже не мог представить этот мир без Чжоу Маня. Он больше не хотел возвращаться к прежнему одиночеству. Он хотел быть с ним всегда, целую вечность, и даже если его душа разлетится на тысячи осколков, он хотел, чтобы каждый из них продолжал цепляться за него. Не зная, как выразить это, он лишь прижимался к нему сильнее и шептал его имя.

— Чжоу Мань... Чжоу Мань... Чжоу Мань...

— Я здесь. Всё хорошо... Всё закончилось... Я вернулся, не бойся, я рядом, — эта беззаветная зависимость вмиг обернулась бескрайней нежностью, затопив разум Чжоу Маня.

Он не удержался: повернул голову и губами коснулся виска Ин Фэйчи. Он целовал его бережно, почти благоговейно, пытаясь самым простым — и, возможно, самым пугающим, но действенным способом — успокоить дрожащего юношу.

— Не бойся, я всегда буду рядом, — из-за поцелуев его голос звучал глухо, будто он боялся выпустить любимого человека из объятий. — Я не оставлю тебя. Никогда больше не позволю тебе уйти...

Разве мог он теперь бросить его одного? В этот миг Чжоу Мань осознал всё с предельной ясностью. Он не мог потерять этого человека. И пусть он переродился не ради него, пусть между ними не было груза прошлых долгов и вины — их чувства были чисты. Он остался рядом, потому что в первый же миг не смог отвернуться; он был счастлив просто потому, что тот существовал. Он верил ему, оберегал его, но эта забота была совсем не той, что он проявлял к односельчанам или Ли Минь.

Это было нечто иное... Когда хочется спрятать человека в самом теплом уголке своего сердца, согреть его всем своим существом и защищать до последнего вздоха.

Почему он стал так важен? Это уже не имело значения. Чжоу Мань лишь чувствовал, как ожидание и преданность Ин Фэйчи делают его счастливым. Его слезы и тревога резали по живому, а тепло его тела вызывало почти мучительное привыкание.

Чжоу Мань целовал его в лоб и виски, и незаметно для них обоих юноша перестал плакать. Поглощенный своим чувством, Чжоу Мань не сразу заметил, что Ин Фэйчи тоже замер, а затем доверчиво приподнял голову. Его прикосновения были слишком ласковыми, слишком нужными. И теперь Ин Фэйчи словно ревновал свои губы к виску — они жаждали того же трепетного касания.

И вот, в беззвездной и безлунной ночи, под густыми тенями деревьев, их губы нашли друг друга — жадно, порывисто, как нечто само собой разумеющееся. Стоило им соприкоснуться, как в голове у Чжоу Маня загудело; вся рассудительность, накопленная за две жизни, рассыпалась в прах. Он целовал исступленно, проникая глубже, вбирая в себя каждый вздох. Одной рукой он придерживал лицо юноши, другой крепко сжимал его талию, позволяя этому мгновению полностью завладеть ими.

В притихшем лесу, кроме участвовавшего стука сердец, слышалось только их прерывистое дыхание и влажный звук поцелуя. Это длилось долго — так долго, что Ин Фэйчи показалось, будто у него кончается воздух. А может, всё пронеслось в одно мгновение, потому что обоим было мало.

Заметив, что юноша начинает задыхаться, Чжоу Мань нехотя отстранился. Выдыхая прямо ему в губы, он прошептал:

— Фэйчи... дыши...

— Я... я... — разум Ин Фэйчи окончательно помутился от нахлынувших чувств.

Он почти обмяк в руках Чжоу Маня, позволяя тому поддерживать себя. Прошло немало времени, прежде чем он смог выдавить:

— Чжоу Мань... почему?

— А разве нужно «почему»? — Чжоу Мань, переполненный тихим восторгом, негромко рассмеялся ему в самое ухо. — Просто ты мне нравишься.

«Нравишься?» Маленький даос, которого с детства учили бесстрастию и отречению от мирских привязанностей, не знал, что это за чувство. Но инстинктивно, едва услышав эти слова, он ощутил, как сердце запело. И ответил, не пытаясь ничего скрыть:

— Какое совпадение. Ты мне тоже.

Чжоу Мань улыбнулся еще шире. Он еще раз коротко поцеловал юношу в уголок губ, а затем резко развернулся и одним ловким движением закинул Ин Фэйчи себе на спину.

Деревья вокруг сливались в неясные пятна, вдалеке вздымались мрачные громады гор, а небо над ними отливало цветом глубокой синевы. Прижавшись к его спине и чувствуя его тепло, Ин Фэйчи положил голову ему на плечо.

Было так тепло, что даже в этой густой темноте ему виделся яркий свет.

<http://bllate.org/book/17459/1696746>